

*Ю. В. Оспенников*

## **Противодействие коррупции в сфере церковного управления и суда XVI в. по Стоглаву: борьба подходов**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10045

*Аннотация:* В XVI веке в российском обществе обострился ряд противоречий. Внешне это выразилось в ухудшении криминогенной обстановки, остром восприятии злоупотреблений в сфере управления и суда, конкретных случаев развращения нравов. Многие злоупотребления и пороки предполагали удовлетворение частного интереса в ущерб общественному, т. е. содержат сущностный признак коррупционного правонарушения. В исследовательской литературе нет специальных исследований, посвященных выявлению конкретно-исторических форм коррупции и мер по противодействию ей в условиях XVI в. Между тем в рамках борьбы с кризисными явлениями светской властью была выдвинута и отчасти реализована широкая программа мер по противодействию коррупции, схожую программу пытались реализовать в сфере церковного управления и суда. На Соборе 1551 г. столкнулись разные подходы к пониманию причин существующих кризисных явлений и эффективной программы мер по их преодолению. Предложенные Иваном IV и наиболее радикальной частью церковных мыслителей меры противодействия коррупции были одобрены на Соборе лишь частично, что привело в итоге к консервации ряда проблем.

*Ключевые слова:* церковное право, церковный суд, коррупция, противодействие коррупции, Стоглав, московское право.

*Об авторе:* **Юрий Владимирович Оспенников**

Кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

E-mail: [desmandado@yandex.ru](mailto:desmandado@yandex.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

*Ссылка на статью:* Оспенников Ю. В. Противодействие коррупции в сфере церковного управления и суда XVI в. по Стоглаву: борьба подходов // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 47–60.

*Финансирование:* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)».

Статья написана на основе доклада, представленного автором на III Барсовских чтениях «Церковный суд в России. История и современность», состоявшихся в Книжной гостиной Санкт-Петербургской духовной академии 16 декабря 2019 г.

**KHRISTIANSKOYE CHTENIYE**  
**[Christian Reading]**

**Scientific Journal**  
**Saint Petersburg Theological Academy**  
**Russian Orthodox Church**

**No. 3**

**2020**

---

*Yu. V. Ospennikov*

**Opposition to Corruption in Ecclesiastical Administration  
and Judiciary in the 16<sup>th</sup> Century According  
to the Stoglav: the Struggle of Differing Approaches**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10045

*Abstract:* In the 16<sup>th</sup> century, a number of contradictions intensified in Russian society, and this was expressed in the increase of the levels of crime, the acute perception of abuse in the sphere of governance and the judiciary, and specific cases of moral corruption. Many abuses and vices assumed the satisfaction of private interest to the detriment of the public, that is, they contained an essential sign of a corruption offense. There are no special studies in the scholarly literature on the identification of specific historical forms of corruption and measures to combat it in the 16<sup>th</sup> century. Meanwhile, as part of the fight against these crises, secular authorities put forward and partially implemented a broad program of anti-corruption measures; they tried to implement a similar program in the field of church administration and the judiciary. At the Council of 1551, different approaches to understanding the causes of the existing crisis phenomena and an effective program of measures to overcome them were encountered. Anti-corruption measures proposed by Ivan IV and the most radical part of church thinkers were only partially approved at the Council, which ultimately led to the conservation of a number of problems.

*Keywords:* church law, church court, corruption, anti-corruption, *Stoglav*, Moscow law.

*About the author:* **Yuri Vladimirovich Ospennikov**

Doctor of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of Samara National Research University.

E-mail: [desmandado@yandex.ru](mailto:desmandado@yandex.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

*Financing:* The article was prepared with the financial support of RFBR and the Government of the Samara Region in the framework of the Research Project № 18-411-630004 «Specific Historical Forms of Corruption in the Moscow State (15<sup>th</sup>–16<sup>th</sup> centuries)».

*Article link:* Ospennikov Yu. V. Opposition to Corruption in Ecclesiastical Administration and Judiciary in the 16<sup>th</sup> Century According to the Stoglav: the Struggle of Differing Approaches. *Khristianskoye Chteniyе*, 2020, no. 3, pp. 47–60.

## Вступление

В первой половине XVI в. российское общество столкнулось с проблемами, многие из которых и в современной России представляются весьма актуальными, конечно, с поправкой на конкретно-исторические обстоятельства. Общее ощущение несправедливости общественного устройства углублялось конкретными фактами властного произвола и несправедливого суда; на фоне лишений, которые терпели широкие народные массы, выразительно выделялись факты роскошной и порочной жизни отдельных представителей правящих кругов. Видя это, широкие народные круги были готовы не только припомнить наиболее одиозным персонажам их реальные преступления, но и домыслить любую фантастическую «вину», как это было, например, с Еленой Глинской в ходе московского восстания 1547 г. Это восстание показало, насколько далеко зашел процесс народного возмущения, и, видимо, предопределило некоторые направления дальнейшей деятельности Ивана IV, который впервые в отечественной истории принял серьезные меры по противодействию разным формам властного произвола, несправедливого суда, беззастенчивого обогащения должностных лиц за счет общества, т. е., фактически, разным конкретно-историческим формам коррупции, известным московскому государству XVI в. Схожие процессы не могли не затронуть церковную жизнь, поскольку жизнь русского общества того времени естественно протекала и в светском, и в церковном пространстве. Церковь также страдала от указанных явлений, испытывая их разрушительное для морального авторитета и отдельных деятелей, и всей церковной организации воздействие. При этом формы коррупции, с которыми сталкивалась Церковь, имели некоторые отличия от тех форм, которые нам известны по светскому праву; различались и меры противодействия коррупции, выработанные в середине XVI в. для светской и для церковной сфер управления и суда. Правительством Ивана IV была предложена целая система мер, направленных на борьбу с коррупцией, которые включали в себя: 1) предупредительные меры; 2) меры позитивной ответственности; 3) меры гражданской и уголовной ответственности, предполагавшие возмещение причиненного ущерба и собственно наказание [Оспенников, 2019, 18]. Удалось ли в церковной сфере в рамках Стоглавого Собора провести аналогичную программу, или меры, принятые Собором, отличались от светской программы?

В исследовательской литературе конкретно-исторические формы коррупции, известные по Стоглаву, а тем более способы противодействия ей, выработанные на этом Соборе, специально не рассматривались. Существует обширная литература, посвященная Стоглаву, проделана огромная источниковедческая работа [Жданов, 1876; Бочкарев, 1906; Стефанович, 1909; Емченко, 2000; Ляховицкий, 2012 и др.], но даже в современных исследованиях, подходящих с формально-юридических позиций к этому памятнику церковного права, проблема выявления форм коррупции и организации противодействия ей, не ставится [Лунин, 2012].

## Основная часть

В исследовательской литературе распространена точка зрения, что окружение Ивана IV, стоявшее преимущественно на позициях нестяжательства, было заинтересовано в созыве Собора для решения ряда церковно-государственных вопросов [Российское законодательство, 1985, 407]. При этом не подвергается сомнению последовательность преобразований: намечающаяся реформа церковного устройства следует за уже проведенными преобразованиями в светской сфере, на что прямо указывается в предисловии Стоглава, когда говорится, что Собор созван по велению царя, вслед за земским обустройством (Стоглав, 1985, 260). Дальше, в 66-й главе, определяя общие основания святительского суда, составители Стоглава упоминают о необходимости прекратить практику вымогательства у подведомственных лиц различных материальных благ: «а не истязати от них ни пиров, ни даров, ниже которых излишних почестей, или что ино замышляти, кроме священных правил» (Стоглав, 1985, 339).

Вроде бы просматривается очевидная параллель с тенденцией, отраженной в светском законодательстве, к ограничению властного произвола строгой фиксацией ставок пошлин. Однако насколько борьба с произволом должностных лиц и различными проявлениями нестроений в светском и церковном праве совпадала или различалась — до конца не проясненный вопрос. С одной стороны, в исследовательской литературе достаточно хорошо обоснована позиция, что в Стоглаве отразилась политика централизации Ивана IV, вплоть до того, что в Стоглаве видят завершение «дела земского и церковного строения» [Беляев, 1858, 1–6; Зимин, 1960, 388–391]. С другой стороны, в самом тексте Стоглава прослеживаются серьезные различия между «светским» подходом (выраженным в царских вопросах и некоторых других частях, например, т. н. царском написании) к решению поставленных проблем и подходом церковных иерархов (выраженным в целом ряде соборных решений и ответов).

В письменном обращении царя к Собору мы видим весьма пространственный перечень пороков, из-за которых гибнут «царства». Этот список мало отличается от аналогичных летописных рассуждений или речей иерархов на том же Соборе, и в нем нет явных указаний на пороки, которые напрямую были бы связаны с коррупционным поведением: гордость, «братоненавидение», «насилие к своим», идолопоклонение, любодейание и прелюбодейание, содомский блуд и «всякая нечистота», срамословие и клятвопреступление, «безмерное объядение и пьянство» (Стоглав, 1985, 262).

Но затем в царской речи сделано интересное замечание, что с этими пороками сравнимо «сребролюбие», корыстный интерес: «Речет же ми кто, яко идолопоклонения несть в нас, — ино сребролюбие не второе ли идолослужение, или блудная и скверная деяния сим же подобная?» (Стоглав, 1985, 262–263). Это очень важное обобщение: Иван IV здесь заявляет, что все перечисленные выше пороки, известные по ветхозаветным и новозаветным книгам, в современных условиях объединяются понятием корысти. Как она может их объединять? Очевидно, порождая соответствующие общественные последствия — гибель и разорение городов, людей, запустение царств.

Ближе к концу речи царь снова напоминает о сребролюбии как об основном пороке, уже со ссылкой на апостола Павла (Стоглав, 1985, 265). Именно после этой цитаты царь делает обобщение, что ради исправления этого и собран Собор: «Вы еже о богособоранный соборе потружайтеся веры ради христовы, во еже исправити и изъяснити по правилом святых отец — на сие бо и собрах вас» (Стоглав, 1985, 265).

Таким образом, в рамках этого письменного обращения к Собору царь два раза, обобщая сказанное, указывает на «сребролюбие» (т. е. корысть, частный интерес) как на порок, объединяющий все разнообразие других пороков, порождающих те «нестроения» церковные, для исправления которых и собрались представители духовенства на Собор.

Кроме того, царь указывает на еще одно явление — «самовластие», властный произвол высокопоставленных лиц, расцвет которого, по словам царя, начинается после смерти отца Ивана IV: «Боляре и вольможи... совет не благ совещаща ми вмняюще, яко мне доброхотствуют, на паче же себе самовластие улучающе. <...> И тако боляре наши улучиша себе время сами владеша всем царством самовластно, никому же возбраняюще им от всякого неудобнаго начинания...» (Стоглав, 1985, 263). С одной стороны, здесь просматривается противопоставление: крепкая монархическая власть и властный произвол аристократии, «бояр и вельмож». Из чего следует, что ограничителем властного произвола знати может выступать прежде всего царская власть. С другой стороны, здесь можно увидеть и обличение «самовластия» как произвола должностных лиц, жалобы на которые сохранили многие акты, дошедшие от XVI в. Вполне допустимо предполагать, что Иван IV мог иметь в виду оба аспекта, учитывая, что в правительственной деятельности они оба нашли проявление.

В устном обращении царя к Собору мы видим, как эти аспекты понимания «самовластия» соединяются в новой мысли, когда Иван IV помимо личного конфликта с боярами указывает на якобы существующий, по крайней мере, очевидный царю, конфликт между лицами, облеченными властью, и подвластным населением: «И бояре мои, все приказные люди, и кормленщики со всеми землями помирились

во всяких делах» (Стоглав, 1985, 267). Это «примирение» получило отражение в новом судебнике («судебник исправить по старине и утвердить, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо во веки... и суд бы был праведен и безусловно во всяких делах»), и подразумевается, что теперь должно получить дальнейшее развитие в сборном уложении. Отдельно нужно заметить, что в приведенной цитате вновь отчетливо представлены два важных источника всех «нестроений», которые необходимо исправить: нарушения порядка управления и суда (различные факты властного произвола, самовластья) и подкуп должностных лиц в широком смысле (удовлетворение «сребролюбия», частного интереса через «посулы»). Царь вновь прямо указывает на важные условия общественного мира — пресечение властного произвола, осуществление справедливого суда, недопущение «посулов». Отсылка к «старине» в этом контексте противоречит основному посылу речи — Иван IV отлично осознаёт, что предыдущая практика как раз была насыщена такого рода нарушениями, что и привело в итоге, в частности, к московскому восстанию 1547 г., оказавшему огромное влияние на все мировоззрение царя [Шмидт, 1973]. Но эта отсылка находится в полном соответствии с логикой рассуждений иерархов Церкви и показывает желание царя найти общий язык со своей аудиторией на Соборе. Восстание 1547 г. Иван IV в своей речи не упоминает, но, видимо, именно в ходе этих событий для царя стали очевидны острые социальные конфликты и их причины.

Дальше Иван IV перечисляет наиболее значимые конкретные меры, которые были приняты для осуществления упомянутого «примирения» (Стоглав, 1985, 267). Он упоминает такие меры, имевшие в том числе характер мер антикоррупционной направленности, как: 1) создание правовых основ для нового порядка управления и суда в виде уставных грамот, в которых четко обозначены полномочия властных органов и поборы, на которые они могут претендовать; 2) повышение значения представителей общества, предполагается ограниченный контроль с их стороны над системой реализации власти. Здесь Иван IV говорит только об одной группе способов противодействия коррупции — тех, что были направлены на предупреждение коррупционных правонарушений (выдача уставных грамот, определение размеров и порядка сбора пошлин, обеспечение публичности суда, меры материального поощрения для тех, кто сообщал о противоправных действиях и др.). В только что принятом Судебнике 1550 г. нашли отражение и другие способы, представляющие собой меры воздействия на лиц, уже уличенных в коррупции (отстранение от должности, взыскание ущерба с должностных лиц, уголовно-правовое наказание вплоть до смертной казни и др.).

В царских речах, обращенных к Собору, можно увидеть совершенно новую трактовку модели «Божественные правила — их соблюдение/несоблюдение — правомерное поведение/правонарушение». В посланиях церковных иерархов различные правонарушения — это нарушения Божественных правил, установленных Божественной волей и отраженных в соответствующих текстах. Следование этой воле через исполнение предписаний церковного права можно рассматривать как правомерное поведение, искажение этих предписаний или их игнорирование приводит к правонарушению («И вы бы священных правил боялися и пребывали бы есте во всяком благоговении священническом, да не от вас будет соблазн и смущение мирским человеком») (Царские вопросы, 1890, 431). При этом сами нарушения излагаются большим бессистемным перечнем. Например, архиеп. Пимен, даже ссылаясь в своем послании на решения Собора, почти не упоминает характерные формы коррупции, предполагающие приоритет частного интереса, сосредотачивая внимание на других пороках, от которых призывает воздерживаться духовных лиц: «...отвергните от себе пьянство и объядение, лишитесь тяжб и сваров, вражды и хулы на друга и скверного резвоамания и порук и гордости и многоречия, мерзости и ярости и клятвы и лжа, скупости и ненависти, зависти и немилосердия, лъсти и лукавства» (Царские вопросы, 1890, 429). Если в речах Ивана IV очевидна строгая системная связь, основополагающее значение некоторых пороков, которые порождают целый ряд социальных бедствий, в послании архиеп. Пимена представлен длинный бессистемный перечень

пороков, материальные причины возникновения которых неясны. Нарушение церковных правил — это всегда конкретная ситуация, т. е. конкретное лицо оступилось.

Соответственно, в этой модели исправление и возвращение к нормальному существованию возможно только через покаяние и очищение, т. е. внутреннее нравственное исправление. Именно такая идея проходит красной нитью через послание митр. Макария в Новгород 27 февраля 1557 г. в связи с бедствиями от голода. Причину голода Макарий видит в «умножении грехов наших», а возможность его преодоления — через покаяние и очищение: «и познает всяк кождо своя согрешения и всякое грехопадение, и подвигнутися на истинное покаяние и на пост и на молитву и на милостыню, и огрехатися от всяких зол, и от сего бы настоящего времени весь священнический и иноческий чин и все христоименитое людство ото объядения и от пианства и от всякия нечистоты и от всех неподобных дел престали...» (Дополнения, 1846, 369).

По-другому нарушения представлены в царских речах и вопросах. За разнообразными нарушениями церковных правил выделяется фундаментальное основание — сребролюбие, предполагающее частный корыстный интерес. В этом смысле все различные правонарушения становятся возможными именно в силу возобладавшего частного интереса над общим правилом, не только отражающим Божественную волю, но и направленную на реализацию общего интереса.

Если нарушение — это результат внутренней порочности или ошибки конкретного человека, то и все меры по предупреждению, пресечению и восстановлению направлены на конкретное лицо. В рамках другой модели, которая исходит из наличия объективного конфликта, лежащего за пределами конкретного человека, можно предлагать более широкий спектр мер по противодействию нарушениям — и мы видим, как Иван IV в обращении к Собору уже предложил системные меры, предполагающие предупреждение коррупционных нарушений.

Тема корыстного частного интереса в ущерб общим, выраженная через конкретно-исторические формы коррупции, поднимается в царских вопросах практически сразу же: в первом вопросе в общих словах говорится о злоупотреблениях духовенства, о несоблюдении правил, дальше озвучиваются конкретные проблемы. Во втором вопросе ставится проблема «продаж» антиминов — распространенной практики задержек в деле выдачи антиминов с целью получения «подарков» от новой церковной общины: «Продажу чинят великую, а правила святых отец запрещают святая продавати. И о том достоин закон уложити на соборе по божественным правилам» (Стоглав, 1985, 268). Как отмечается в исследовательской литературе, термин «продажа» в данном случае имеет два значения: 1) продажа в прямом смысле слова как отчуждение вещи (но здесь возникает противоречие, поскольку антиминос как сакральная вещь должен быть изъят из оборота; на это противоречие прямо указано и в царском вопросе: «а правила святых отец запрещают святая продавати»); 2) «продажа» как несправедливость, чинимая представителем духовной власти [Российское законодательство, 1985, 416]. В исследовательской литературе дискутируется вопрос, в отношении кого выдвигается обвинение — в адрес епископских должностных лиц или в адрес самого епископа? Безотносительно к решению этого вопроса, в рамках рассмотрения темы конкретно-исторических форм коррупции здесь можно выявить вымогательство подарков за осуществление должностным лицом его функций и сопровождающую это вымогательство волокиту.

Схожие конкретно-исторические формы упоминаются в 4-м вопросе о взимании епископскими должностными лицами (знаменщиками, десятильниками) пошлин за оформление брака (Стоглав, 1985, 268). Сюда по второй части вопроса, злоупотребления особенно были связаны с выдачей «знамен вечных» при вступлении в повторный брак. Некоторые авторы видят в этом вопросе упрек епископам «в небрежном отношении к своим обязанностям» [Российское законодательство, 1985, 417]. Только на основе текста вопроса сделать такое предположение, на мой взгляд, нельзя, речь идет о конкретных нарушениях, которые совершают конкретные должностные лица. Вновь можно зафиксировать вымогательство подарков за осуществление должностным лицом его функций.

Надо полагать, что в текст вопроса неслучайно вставлена фраза «без указа» («продажа крестьянству чинится великая»). Подчеркивается неупорядоченный характер взимания венечных пошлин и необходимость установления правового основания, которое может ограничивать существующий произвол. И здесь опять нужно напомнить данную царем во вступительной речи отсылку к уже проведенным мерам по упорядочению земских дел, включающим создание правовых основ для нового порядка управления и суда в виде уставных грамот.

В рамках 7-го вопроса (Стоглав, 1985, 269) упомянут целый ряд конкретных форм коррупции, непосредственно связанных с церковным судом: 1) судят и управу чинят неправо; 2) волокита; 3) «продают с ябедники с одного» — видимо, имеется в виду сговор судебных чиновников с истцом (можно предполагать, что не всегда имела место откровенная клевета, поддерживаемая должностными лицами, гораздо чаще имела место ситуация, когда предъявленное требование полностью и некритически поддерживалось судом, вопреки элементам состоятельности в процессе и представленным доказательствам. Конечно, такого рода поддержка суда имела свою «цену», должностные лица получали какую-то долю от суммы иска); 4) аналогичные деяния в отношении духовенства (одним из следствий является запустение церквей); 5) взыскание лишних поборов; 6) судьи вступают в сговор с замужними и незамужними женщинами для предъявления обвинения лицам белого и черного духовенства в насилии (можно рассматривать как разновидность сговора с «ябедниками», упомянутого выше).

В 8-м вопросе ставится проблема, связанная с самим образом монашеской жизни, раскрывающая противоречие между функциональным предназначением монашеского бытия («стригутся спасения ради душа своя») и распространенной практикой ухода в монастырь ради материальных благ («чтобы всегда бражничать и по селом ездят прохладу для») (Стоглав, 1985, 269).

В царском вопросе эта практика осуждается как очевидное нарушение. Насколько это нарушение связано с рассматриваемой темой конкретно-исторических форм коррупции? Здесь налицо противоречие между функцией, которую должны выполнять монастыри, и частным интересом отдельных лиц, поступающих в монастырь не для реализации предполагаемой функции, а для обеспечения своих личных интересов. Поэтому вполне допустимо выделять такую форму коррупции, как использование монастырской жизни в личных интересах.

Развитие этой же логики видно в одном из следующих вопросов (№ 16), в котором обращается внимание на возбраняемое Священным Писанием («Божественное писание и мирянам резоимство возбраняет, нежели церквам Божиим денги в росты давати, а хлеб в наспы»), но практикуемое монастырскими и церковными общинами резоимство. Однако гораздо больший интерес представляет завершающая вопрос цитата, подчеркивающая общественное значение церковных имуществ, которые не должны использоваться для извлечения прибыли отдельными лицами: «О сем пишет: „Церковное богатство — нищих богатство и прочим на потребу“» (Стоглав, 1985, 271).

Таким образом, с одной стороны, очевидно противоречие, на которое прямо указывает царский вопрос. С другой стороны, хозяйственная деятельность монастырей редко была возможна без ростовщических операций, которые приносили монастырским общинам земельные и водные участки, различные промышленные предприятия (солеварни и т. п.), инвентарь и прочее. Даже там, где хозяйственная деятельность монастырей обладала уникальным своеобразием, ростовщические операции оказывались среди важнейших способов ее организации и поддержания (например, для Соловецкого монастыря, видимо, являлись одним из способов формирования собственного флота, без которого нормальное функционирование общины было невозможно [Богомазова, 2014, 6]). В этом смысле трудно согласиться с высказываемой в науке точкой зрения, что экономика монастырского хозяйства основывалась на двух основных источниках — пожертвованиях (ктиторов, патронов и «ревностных благодетелей») и взносах лиц, приходивших для принятия пострига [Гайденко, 2020, 111].

Поступление в монастырь ради собственного корыстного интереса напрямую влечет за собой еще целый ряд нарушений коррупционной природы. Прежде всего, такие лица не заинтересованы в выполнении монастырских уставов и священных правил, вместо правильного монастырского быта они ведут обособленную жизнь, вплоть до того, что поселяют в монастыре своих родственников, которые живут за счет монастырских доходов: «Да племянников своих вмещают в монастырь и доводят всем монастырским, и по селом такоже. А монастыри тем пустошат, а старых слуг и вкладчиков изводят» (Стоглав, 1985, 269).

Картину сопутствующего разрушения уклада монастырской жизни в царском вопросе дополняет упоминание свободного посещения монастырей женщинами и незамужними девушками. Эта деталь дополнительно подчеркивает, что некоторые лица, пришедшие в монастырь, продолжают вести прежнюю светскую жизнь, пользуясь монастырским хозяйством в своих интересах. Такое поведение части монахов в исследовательской литературе нередко просто обозначается как «недостойное» [Российское законодательство, 1985, 419], тем самым на первый план выдвигается морально-этический подход к объяснению, появляется искушение разделить монашествующих лиц на «достойных» и «недостойных» в силу определенных их нравственных качеств. Конечно, необходимо учитывать и специально оговорить, что в условиях феодального общества значительная часть младших сыновей феодалов не могла найти себе другого места, кроме как в монастырских общинах. При этом они приносили туда привычные им элементы бытовой жизни. На то, что их образ жизни негативно воздействует на большинство духовенства, указывается в царском вопросе: «...а священники и братия бедные алчны и жадны и всячески непокойны всякими нуждами одержимы» (Стоглав, 1985, 269). По сути, здесь происходит вмешательство светской модели поведения в монастырский быт, и такие ситуации, следует думать, вызывали возмущение и со стороны нестяжателей, и со стороны иосифлян, в целом со стороны здоровых сил внутри духовенства, объективно заинтересованных в крепких монастырских общинах.

Составитель царского вопроса дальше подводит итог, что содержание за монастырский счет родственников, гостей, приближенных наносит урон и духовной, и материальной основе монастырского бытия: «Весь покой монастырской и богатство и всякое изобилие во властях и с роды, и с племянники, и с бояры, и с гостми, и с любимыми друзи истожили». Острое содержание 8-го вопроса заставляет многих исследователей видеть автором этого вопроса самого Ивана IV. Действительно, здесь просматривается та же логика, рассмотренная выше, и умение видеть материальные основания беспорядков в церковном устройстве, вызывавших беспокойство здоровых сил и духовенства, и мирян.

Форму коррупции, неизвестную светскому праву, представляет помещение в богадельни относительно здоровых людей за вознаграждение, в то время как незащищенные категории (больные, нищие, престарелые) не могли туда попасть: «...а вкупаются у прикащиков мужики с женами мало больных, а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиися в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы подклонити, — по миру скитаются» (Стоглав, 1985, 270). Автор вопроса подчеркивает, что содержание богаделен осуществляется за счет государственной казны и пожертвований населения («Милостыня и корм годовой, и хлеб, и соль, и деньги, и одежа по богадельным избам по всем городом дают из нашии казны. А христороубцы милостыню дают же...»), то есть налицо публичный интерес, который нарушается в пользу частного интереса «прикащиков», должностных лиц, заведующих этими заведениями.

Проблема «корысти», частного интереса, вновь поднимается в 15-м вопросе (Стоглав, 1985, 271), авторство которого многие исследователи опять же склонны связывать с Иваном IV. Автор вопроса указывает на противоречие: с одной стороны, непрекращающиеся поступления земельных владений в монастыри, с другой — монахов не становится больше, материальное положение монахов ухудшается, некоторые живут



«в миру» и ведут судебные тяжбы о землях, свои обязанности по поминовению умерших вкладчиков монастыри не выполняют. И задает закономерный вопрос — в чей же карман уходят доходы с этих земельных владений («Где те прибыли, и кто тем корыстуется?»). Глубина понимания автором противоречия между общественным и частным интересом в данном случае поражает и показывает, что у царя (или, по крайней мере, в его правительстве) существовало ясное представление о том, как страдают общественные и государственные интересы от ряда деяний, которые мы сейчас называем формами коррупции. Поэтому есть достаточные основания для выявления круга таких деяний и систематизации их в качестве конкретно-исторических форм коррупции, в основе которых лежит частный интерес, частная выгода. В вопросе никакие конкретные формы коррупции не отражены, речь идет о базовом противоречии, которое имеет множество конкретных проявлений.

В этом смысле отличается постановка вопроса № 20 (Стоглав, 1985, 272–273), авторство которого некоторые авторы тоже приписывали Ивану IV [Бочкарев, 1906, 74]. В нем, как и в ряде других, проводится сравнение «прежних» времен и нынешнего времени и делается вывод о падении нравственных качеств священников и игуменов. Однако в этом вопросе полностью игнорируются материальные основания этих изменений, представлена идеалистическая трактовка, связывающая изменения в церковной организации с «достойными» и «недостойными» пастырями. Полагаю, что эту особенность можно рассматривать как дополнительный аргумент против гипотезы о возможном авторстве Ивана IV.

В рамках т. н. вторых царских вопросов вновь ставится проблема взимания пошлин с поставления священников, при этом речь идет об упорядочении их размеров (Стоглав, 1985, 303–304). Уже Д. Стефанович отмечал, что это положение отвечало интересам низшего духовенства, страдавшего от нерегламентированных поборов [Стефанович, 1909, 70]. Соборное решение соответствует аналогичному процессу в сфере светского права, пошлины с поставления упорядочиваются, и четко фиксируются их размеры, что является мерой по предупреждению коррупционных нарушений. К этому же вопросу присоединено декларативное запрещение содержать за счет церковной корпорации родственников церковных иерархов и игуменов, то есть, фактически, озвученная в царских вопросах проблема не получила никакого системного решения.

Своеобразной формой коррупции является передача взятки представителям уличанской общины с целью занятия места священника, диакона, пономаря, проскурницы (Стоглав, 1985, 306). О том, что современники во многих случаях рассматривали это деяние не как вымогательство или поборы (именно так оно нередко трактуется в исследовательской литературе) [Российское законодательство, 1985, 447], а именно как дачу взятки, свидетельствует терминология Стоглава, где в том же вопросе чуть дальше это деяние обозначается как «посул»: «А от проскурниц и от пономарей и сторожей попом и уличаном и прихожаном посулов не имати ничего». В Новгороде существовала высокая конкуренция среди кандидатов на место при уличанской церкви, поэтому возникала ситуация «аукциона», когда община имела возможность выбирать среди кандидатов, и среди кандидатов на место распространенной практикой стало предлагать «посулы» уличанской общине (несомненно, имели место и другие случаи, когда уличанская община выставляла требование уплаты определенной суммы как условие занятия должности, но в конкретном рассматриваемом случае речь, видимо, идет не о них).

Другая ситуация, когда имеет место вымогательство денег за поставление священников, рассматривается в следующем вопросе, и там используется иная терминология: «...дворецкие и дьяки и во Пскове наместник владычень ставят сами попов к ружным церквам и на них и на всем причте церковном великие ж денги емлют» (Стоглав, 1985, 306–307). В целом по этим вопросам видно, что система предложения взяток и вымогательства поборов при замещении церковной должности пронизывала всю систему церковных должностей — от епископа до церковного сторожа.

Непоследовательность соборных решений в борьбе с формами коррупции проявляется в гл. 44, где в рамках ответа на вопрос об антими́насах вроде бы осуждают практику вымогательства «серебра» за освящение церквей, но сразу же фактически оставляют лазейку, подчеркивая, что от мирян можно и нужно принимать подарки «за великое миро и за освященные антими́сы радостно и со благодарением епископы и протопопы и священники приемлют» (Стоглав, 1985, 316). Акцент делается на том, что недопустимой является практика требования конкретных сумм, но сам принцип возмездности церковных обрядов не подвергается сомнению, просто через формулу «каждый даст столько, сколько возможно».

Дальше закрепляются неформальные основы взимания фактической платы за широкий спектр церковных обрядов, при строгом запрещении формального вымогательства (гл. 45): «а более того ничтоже не истязуют по священным правилом апостольским и отеческим, якоже пишет, аще который епископ или пресвитер освященная продаст, или отдаст, или освоит, или от крещения у кого, или от покаяния, или от причастия восприсит или который игумен от чернчества восприсит селико или толико злата и сребра, вси таковии да извергнутся по священным правилом; или коя игумения от пострижения потомуже истязет, а не Бога ради постризают ниже по силе от них приемлют, таковых повелевают игуменей священная правила из монастырей изводити и в другой монастырь под начало посылати, да и прочий накажутся таковая не творити» (Стоглав, 1985, 317–318). Такой же логикой предписывается руководствоваться при выделении мест для погребения возле храмов (Стоглав, 1985, 318), при этом устанавливается прямая зависимость между неформальным «подарком» в виде вклада по душе и выделением места для погребения.

В принципе, эта практика находит соответствие в светской сфере, где порицанию подвергается взимание поборов сверх меры, но здесь мы видим стремление зафиксировать точные суммы поборов представителями власти. Составители же Стоглава стремятся отстоять само право церковной корпорации взимать деньги за осуществление церковных обрядов, но под видом добровольных пожертвований.

Проблема установления точных размеров платежей развивается в следующих главах, которые, видимо, объединяются именно этим критерием. В 45-й главе устанавливаются сборы от освящения храма в пользу епархии — в размере 1/3 суммы, собранной прихожанами для церкви в день ее освящения, в 47-й главе указаны фиксированные ставки пошлин за освящение церквей (Стоглав, 1985, 320). В 46-й главе подтверждается существующая практика взимания вечных пошлин (Стоглав, 1985, 318), при этом подчеркивается, что духовенство проводит важную работу по «обыску», т. е. выяснению возможных препятствий для заключения брака, поэтому взимание вечных пошлин оправданно.

В главе 49 встречается прямое упоминание «посула» — разновидности коррупционных нарушений, на которую чаще всего обращается внимание в историко-правовой литературе (Стоглав, 1985, 322). После озвученного запрещения посулов дальше соборное уложение ограничивается подтверждением недопустимости покупать церковные должности, содержать родственников и т. п. (за нарушение — «извержение»). Данное деяние рассматривается в двух вариантах — с ведома или без ведома святителя, последнее дополняется заточением в монастырь под надзор «добрых старцев» до исправления, то есть подчеркивается значение церковной иерархии, властной вертикали, на которую возлагается главная надежда в противодействии коррупционным нарушениям.

Следующее в той же главе «царское написание» отличается и стилистически, и логически — прежде всего подходом к решению проблемы церковных «нестроений». Акцент делается не на укреплении властной вертикали, а на соборном начале как возможном ограничителе разложения нравов в целом и коррупции в частности (Стоглав, 1985, 323–324). Подчеркивая принцип общежительства, царское написание вновь выделяет «страсть сребролюбия»: «А старцы бы жили все в монастырех по монастырскому чину о всем по преданию святых отец и по правильному

завещанию и по нашему наказу и по соборному уложению, все бы было обще вкупе, якоже предаша и заповедаша святии отцы. **Да не побеждает страсть сребролюбия и сластолюбия и стяжания никоегожде**, и упражнялися бы вкупе все на славословие Божие и на всякое **соборное согласие и на порученныя службы** (выделено мною. — Ю. О.)» (Стоглав, 1985, 324).

В царском написании в качестве обобщения делается акцент на двух основных идеях: 1) опасность «сребролюбия» и «стяжания» — того самого частного интереса, корысти, который лежит в основе всех проявлений коррупции; 2) духовенство выполняет общественно важные и полезные функции, церковной корпорации «поручены службы», в этом ее общественная значимость. Отступление от выполнения этих служб в сторону удовлетворения личных интересов означает неправомерное использование тех материальных ресурсов, которые передаются в ведение церковной корпорации.

Таким образом, в 49-й главе вновь видим два подхода к проблеме церковных нестроений: один текст составлен иерархами (соборный ответ), второй текст представляет позицию царя. Только во второй части подчеркивается фундаментальное значение «сребролюбия» и взаимосвязи общественно полезных функций с материальными ресурсами, переданными в ведение Церкви. В позиции светской власти видно понимание конфликта между общественным и частным интересом, который приводит к различным формам коррупции и другим повреждениям церковной жизни, тогда как в позиции церковных иерархов-составителей Стоглава этого понимания нет. Они исходят из необходимости укрепления церковной иерархии, дисциплины и духовно-воспитательного воздействия в рамках сложившейся системы внутрицерковных отношений.

При этом было бы совершенно неверным пытаться представить все духовенство или руководство церковной корпорации в качестве сплошной реакционной силы, не желавшей видеть подлинные корни тех конкретно-исторических форм коррупции, от которых страдали и государственный аппарат, и Церковь. Напротив, задолго до созыва Собора 1551 г. церковные авторитеты высказывали схожие оценки проблем, с которыми сталкивается Церковь, а пути решения, которые они предлагали, показывали не менее глубокое понимание фундаментальных причин этих проблем.

В качестве яркого примера можно указать на ранние работы прп. Иосифа Волоцкого, в которых уже Б. А. Рыбаков увидел план «реформы монастырей» [Рыбаков, 1934]. Как было показано Я. С. Лурье, более известная минейная редакция Устава прп. Иосифа Волоцкого содержит принцип, который полностью отсутствовал в более ранней краткой редакции, — «принцип неравноправия для разных категорий монахов» [Лурье, 1956, 120]. В краткой редакции, напротив, преобладает принцип «общежития» и, соответственно, нестяжательности в отношении личной собственности монахов. В пятом слове краткой редакции «Устава» принцип личного нестяжания проводится в наиболее выраженной форме — в форме отказа от всякой индивидуальной собственности, даже от книг и икон. «Аще хочешь жити в общем житии, да отречешися всякия вещи, да не имаша власти ни над чашею, и тако можеша в общем житии спастися» — т. е. принцип монашеского «общежития» совпадает здесь с принципом полного нестяжания [Лурье, 1956, 121]. И здесь отчетливо отражено понимание того фундаментального значения «сребролюбия», личной корысти, для всех пороков, от которых страдала церковная организация. Прп. Иосиф Волоцкий заходит гораздо дальше, чем Иван IV в своих вопросах и «царском написании», он выявляет основание и самого «сребролюбия», частного интереса, и этим основанием закономерно оказывается частная (в данном случае личная) собственность. О том, как эта же идея получила отражение в работах митр. Даниила, достаточно подробно излагается в работе Ю. С. Старикова [Стариков, 2014, 129–130, 137].

Обличая стремление иметь личную собственность, прп. Иосиф Волоцкий весьма резок: если монахи употребляют слова «твое» или «мое», то «не подобает сия обща жития нарицати, но разбойничская съборища и святокрадения и всякого лукавства

и злоба исполнена» [Лурье, 1956, 122]. Здесь, во-первых, обращает на себя внимание использование термина «святокрадение» (см. упомянутую выше полемику относительно антиминов в Стоглаве); во-вторых, отчетливо выражена позиция, что именно наличие индивидуальной собственности и связанного с ней частного интереса является источником всех остальных пороков. Как видим, при всем различии и противоборстве подходов царя и иерархов на Соборе, идейные корни позиции Ивана IV вполне могли восходить к работам прп. Иосифа Волоцкого.

Есть еще один интересный аспект возможного влияния ранних сочинений прп. Иосифа Волоцкого на позицию Ивана IV во время Собора 1551 г. Выше упоминались две модели восприятия «правонарушения/нарушения Божественных правил и мер по исправлению», при этом были приведены слова митр. Макария (1557 г.) относительно объяснения причин голода и путей его преодоления. В одном из посланий прп. Иосифа Волоцкого тоже есть рассуждения и прямые рекомендации дмитровскому князю Юрию Ивановичу (1512 г.) относительно причин голода и мер по борьбе с ним. Прп. Иосиф Волоцкий ссылается на исторический опыт византийских правителей и принятые вел. кн. Василием Ивановичем меры, приводя их в качестве примера для соответствующих действий: «И аще который государь имеяше у себе много жита, подаваше неимущим, или продавати веляше недорого и уставляше цену, обговорив с бояры, якоже подобаше, и заповедь полагаше во всем своем государстве, и запрещение страшно полагаше на преступающих сия...» (Дополнения, 1846, 363–364). Главное средство в борьбе с голодом, на которое указывает прп. Иосиф Волоцкий в качестве общего вывода в своем послании, — это твердые низкие цены на хлеб, установленные княжеской властью, и жесткое пресечение спекуляций: «уставиши цену своим государьским велением, в своем отечестве, и оживиши люди бедные...» (Дополнения, 1846, 364). Видим, что преподобный здесь указывает на конкретные материальные причины и предлагает соответствующие меры противодействия, в отличие от рассмотренной выше позиции митр. Макария.

На основе текста Стоглава можно выделить еще некоторые конкретно-исторические формы коррупции, которые совсем не изучены или изучены крайне мало в историко-юридической литературе. Так, в первых царских вопросах поставлена проблема устройства новых церквей и обителей, при том что главная цель основателей — обеспечение собственных материальных интересов. Автор вопроса об этом говорит не прямо, а через противопоставление таких основателей «прежним преподобным отцам», которые поселялись «в пустыне» «не тщеславия ради», «по миру не скитались на соблазн. <...> Или от десятильников, или ругою недоволен нечем прожити» (Стоглав, 1985, 272). Прежние пустынники строили обители для духовного служения («о Боже строили»), тогда как современные «старцы» преследуют мирские интересы («не по Боже совершает»). При этом важно, что свои мирские интересы они реализуют за общественный счет, обращаясь к царю за ругой, к населению — за милостыней на строительство (отдельно оговаривается, что в некоторых случаях даже не доходит дела до строительства обители или церкви, поскольку собиравший пропивает эти деньги).

Поскольку налицо противоречие общего и частного интереса как сущностный признак коррупции, то можно попытаться определить подразумеваемую здесь конкретно-историческую форму коррупции как строительство храмов и обителей без общественной необходимости, но за общественный счет для удовлетворения частных имущественных интересов.

Отдельную проблему составляли нарушения, связанные с деятельностью светских слуг святителей, прежде всего десятильников. Об этой проблеме ярко высказался еще на Соборе 1503 г. ростовский священник Георгий Скрипица: «Не духовно управляют верные люди: надзираете за церковию по обычаю земных властителей, через бояр, дворецких, тиунов, недельщиков, подводчиков, и это для **своего прибитка** (выделено мною. — Ю. О.), а не по сану святительства. Вам достоит пасти церковь священниками благоразумными, а не мирским воинством» [Российское законодательство, 1985, 470].

С одной стороны, здесь автор указывает на проблему незащищенности приходского и монашеского духовенства перед несправедливостями светского суда и светских слуг святителей — об этой проблеме сейчас стали появляться новые исследования [Гайденко, 2020]. С другой стороны, здесь вновь в одном из аспектов видим понимание церковным автором глубинной причины всех обсуждаемых форм коррупции, понимание материальных оснований существующих нестроений в Церкви. Соборным постановлением функции десятильников и заездчиков были существенно ограничены, вместо них было предписано ставить десятских священников и старост земских и целовальников, «которым царь прикажет» (Стоглав, 1985, 343–344), т. е. видим реализацию принципа соборности и привлечения представителей местных общин.

## **Заключение**

В XVI в. большую общественную остроту обрела проблема осознания несправедливости существующей системы светского и церковного управления и суда. И в светской, и в церковной среде велись поиски наиболее эффективного ответа на очевидный процесс разращения этой системы, причем на определенном этапе мы видим, что церковные авторы видели фундаментальные причины различных проявлений коррупции и предлагали соответствующие радикальные реформы. Однако, когда на Соборе 1551 г. Иван IV предложил программу реформирования церковного устройства, в значительной степени основанную на таком же понимании, церковные иерархи выступили против. В этом смысле Стоглав представляется одной из самых больших неудач деятельного Ивана IV. Его подход к исправлению церковных «нестроений», перераспределению материальных ресурсов в пользу светских властей, ограничению конкретных форм коррупции встретил жесткое сопротивление со стороны иерархов и получил лишь частичное отражение в решениях Собора.

Из немногочисленных уступок, отвечавших царской повестке и предполагавших противодействие коррупции, можно перечислить: меры в отношении фиксации пошлин, взимаемых в пользу церковных властей, усиление принципа коллегиальности (соборности) при осуществлении суда, передачу некоторых функций десятильников и заездчиков в руки десятских священников и представителей местных общин (земских старост, целовальников). Принцип соборности был дополнен в ряде случаев расширением участия местных общин в жизни церковных корпораций.

Если проводить сравнение с предложенной в начале XVI в. прп. Иосифом Волоцким программой преобразований, которая основывалась на трех принципах: 1) личного нестяжания, 2) строгой дисциплины, 3) обязательного труда для всех монахов (в смысле соборного дела), то мы увидим, что соборное уложение 1551 г. решительно отринуло первый — и важнейший — принцип. В качестве основы для системы мер противодействия коррупции были заложены: 1) принцип церковной иерархии, властной вертикали; 2) принцип коллегиальности (соборности); 3) приоритет духовно-нравственного воздействия, воспитания среди мер исправления.

## **Источники и литература**

### **Источники**

1. Дополнения (1846) — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. 446 с.
2. Стоглав (1985) — Стоглав // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 253–401.

3. Царские вопросы (1890) — Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав). М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1890. 434 с.

## Литература

4. Беляев (1858) — *Беляев И. В.* Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. М., 1858. Ч. IV. Отд. III. С. 1–34.

5. Богомазова (2014) — *Богомазова А. А.* Морской флот Соловецкого монастыря в XVI в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2014. № 5. С. 3–12.

6. Бочкарев (1906) — *Бочкарев В.* Стоглав и история Собора 1551 года. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906. 261 с.

7. Гайдено (2020) — *Гайдено П. И.* О праве суда над духовенством и монашеством на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 109–120. DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10030.

8. Емченко (2000) — *Емченко Е. Б.* Стоглав: исследование и текст. М.: Индрик, 2000. 495 с.

9. Жданов (1876, июль) — *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора // Журнал министерства народного просвещения. 1876. Июль. С. 50–89; Август. С. 173–225.

10. Зимин (1960) — *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с.

11. Лунин (2012) — *Лунин С. В.* Стоглав: историко-правовое исследование. Самара: ООО «Офорт», 2012. 164 с.

12. Лурье (1956) — *Лурье Я. С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифляинства // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. XII. 1956. С. 116–140.

13. Ляховицкий (2012) — *Ляховицкий Е. А.* Стоглавый Собор и общественное сознание Руси XVI века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 27 с.

14. Оспенников (2019) — *Оспенников Ю. В.* Направления противодействия коррупции в праве Московского государства XVI в. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 15–19. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-15-19.

15. Российское законодательство (1985) — Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.

16. Рыбаков (1934) — *Рыбаков Б. А.* Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. 1934. № 3. С. 21–31.

17. Стариков (2014) — *Стариков Ю. С.* Учение о монашестве в сочинениях митрополита Московского Даниила // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах / Под ред. д. и. н. П. И. Гайдено. СПб.; Казань, 2014. С. 115–142.

18. Стефанович (1909) — *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. 324 с.

19. Шмидт (1973) — *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М.: Мысль, 1973. 359 с.